

Ш - 37 + русскя + Велаш
Много у атра естим
М. Н.
Ф. И. Овечкину

Ш 91

РА
173185

ЛѢШІЙ.

(Фотграфический рассказ.)

Кто не живаль на нашемъ «ди-
комъ» сѣверѣ, кто не видаць на-
шихъ, мѣстами еще дѣвственныхъ,
лѣсовъ, вершины которыхъ взви-
лись въ небо», тому, пожалуй, по-
чевка въ такомъ лѣсу въ осеннюю
темную ночь покажется не изъ при-
ятныхъ удовольствій, хотя бы это
случилось и на берегу такой краса-
выны рѣки, какъ Кубина.

581/173185

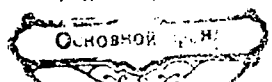
Ежеминутно въ такомъ лѣсу слы-
шится то трескъ сломаннаго какинъ
нибудь животнымъ сучка, то взлетъ
испуганныхъ птицъ, то какой-то не-
опредѣленный глухой, но могучій
шумъ лѣса, хотя, казалось бы, и
вѣтерка-то «не шелохнетъ»,—все это
жутью дожилося бы на душу непры-
вычнаго человѣка...

Но совѣмъ не то чувствуемъ въ
такой обстановкѣ мы, исконные жи-
тели сѣвера. Для насъ такая кар-
тина будетъ однимъ изъ лучшихъ
наслажденій, при которомъ забываются
всѣ житейскія дрязги и, прислу-
шиваясь къ жизни природы, самъ
почувствуешь неотъемлемой части-
цей ея. Намъ нечего пугаться, мы
отлично знаемъ каждый звукъ въ
своёмъ лѣсу, знаемъ отъ кого и по-
чему онъ происходитъ, ибо мы жи-
ли съ этими звуками.

— Это рябчики влетѣли съ «пор-
ховища».) на дерево!—скажетъ мой
пріятель Тишаня и пояснить, что
должно быть заяць или векша испуг-
нули ихъ. А если рябчики «закуро-

.) Оттиски изъ газ. «Вологод. Листокъ».

**] Порховище—выпорханая ямка въ пес-
чаной почвѣ, гдѣ птицы любятъ ползгать.

щать***) значить, опасность, и для нихъ еще не миновала и они полетятъ дальше.

Если же въ лѣсу чуть всколыхнуло воздухъ, слегка задѣвъ крыломъ за вѣтвь какого-нибудь дерева, и маленькія птички встревожившись парашулись оттуда и летятъ прямо къ намъ на огонь, это значить: ночной тать-сова летаетъ [за добычей. Птички въ «это время рады присутствію человѣка и прямо летятъ къ нему подъ защиту, а однажды такая птаха даже съѣла на картузѣ къ Тишанѣ, на что послѣдній, усмѣянувшись, сказалъ:

— Вишь, ты! тварь бессловесная, а тоже понимаетъ, смерти то боится.

Когда среди ночи дрозды исправно залепетываютъ съ дерева на дерево и перекликаются межъ-собой это значить, что поблизости ходитъ какое-то большое животное: лошадь, корова или звѣрь чаще всего Мишка Топтыгинъ.

Но и онъ намъ не страшенъ. Впередьхъ, мы вооружены ружьями и топорами, а во-вторыхъ и Топтыгинъ не такой дуракъ, что бы упасть на человѣка ни-за что, ни про что, не зная еще на чьей сторонѣ окажется побѣда. Да, наконецъ, онъ не такой и злой, какъ люди, не выдавшіе его, воображаютъ: «Это вѣдь не нѣмецъ» сказалъ бы мой пріятель.

Но пора мнѣ познакомить читателя съ моими пріятелями, неизбѣжными спутниками по охотѣ и «ночевкамъ» въ лѣсу.

Одинъ изъ дунниковъ моихъ былъ Тихонъ Дмитріевъ Кузнецовъ или просто «Тишаня», какъ всѣ звали его, а другой—Антонъ Григорьевъ Панинъ, первый былъ 50 лѣтъ, а второй 30—32, оба крестьянина и всѣ мы трое были изъ одной и той-же деревни Слободки, вологодской

губерніи, расположенной на берегу р. Кубины.

Тишаня былъ большой руки идеалистъ и фантазеръ, какъ типичный потомокъ тѣхъ сказочниковъ и сказителей былинъ, которыми прежде, въ «досюдное» время изобилованъ нашъ сѣверъ. Онъ во все вѣрилъ: и въ лѣшихъ, и въ домовыхъ, въ овишниковъ и бананиковъ, въ кикиморъ и въ вѣдьмъ и т. п. и т. д. Всю природу онъ любилъ и обоготворялъ. По его понятію всякая тварь земная и даже лѣсъ и трава не только живетъ, но чувствуетъ и говорить межъ-собой, лишь человѣкъ не понимаетъ ихъ языка. «А филинъ или воронъ—тѣ говорятъ даже на 12-ти языкахъ. Въ «досюдное» время нѣкоторые люди—«вѣдуны» знали и птичій языкъ, но теперь всѣ уже перевелись и не передали никому этого знанія. Но, по его мнѣнію, стоитъ лишь найти какой-то корешекъ, съѣсть его—и будешь знать всякую рѣчь.

Къ хозяйству своему онъ относился, что называется «спусти рукава» и не любилъ его. Его любимымъ занятіемъ было—охота и рыбная ловля, а любимымъ развлеченіемъ слушать или читать сказки и вообще фантастическіе рассказы въ родѣ Жюль Верна или Робинзона Крузе. Учился онъ въ дореформенной церковной школѣ, которую даже не кончилъ. «Скушно», говоритъ,

Но не смотря на это, хозяйство ихъ семьи шло хорошо, т. к. у отца земли было «волю», да и денежки водились всегда. Къ тому же старшій братъ былъ мужикъ хозяйственный и наблюдалъ за домомъ. Въ молодости, когда ему было 15—16 лѣтъ, отецъ, видя, что онъ не прилеженъ къ хозяйству, отдалъ его къ живописцу, который писалъ иконостаesy въ мѣстной церкви, отдалъ съ тѣмъ, чтобы тотъ его обучилъ своему ремеслу. У живописца Ти-

шана прожилъ 3 года, но ни къ чему, кромѣ шпаклевки досокъ, не научился, а научился лишь водку пить, съ тѣмъ и пришелъ домой.

Служилъ онъ и у лѣсничаго, но и тутъ оказалось не по душѣ. «За зайца, убитаго въ казенной дачѣ, составлять протоколъ. Да, что онъ, лѣсничій, самъ выкормилъ его, что ли?»—говорилъ онъ, вернувшись съ этой службы.

Пробовалъ отецъ приспособить его и къ торговлѣ: далъ денегъ и отплавилъ его на лошади въ городъ за товаромъ. Но вышло совсѣмъ плохо: деньги онъ всѣ тамъ прогулялъ, пропилъ, а когда ихъ не стало, то и лошадь, и телегу и даже часть одежды туда же спустилъ и явился домой «яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего»...

Долго отецъ бранилъ его, сердился, и не пускалъ въ домъ, но въ концѣ концовъ простилъ: «больно ужъ сердцемъ доберъ до меня, старика»,—сказалъ отецъ.

Когда Тишана женился, то нѣсколько остепенился, но все-же большая часть его добычи шла на покупку водки, пока не закрыли совсѣмъ «казеннокъ». Теперь, нонятно, сталъ трезвый.

Антонъ былъ совершенной противоположностью Тишанѣ. Онъ велъ свое хозяйство исправно и на работѣ «готовъ убится», какъ говорятъ про его сосѣди У Антона, какъ человѣка трезваго и скупого каждая копейка была «на счету». Кончилъ онъ земскую школу съ похвальнымъ дипломъ и любилъ въ свободное время почитать серьезную книгу и даже выписывать газетку.

Когда же обществомъ избрали его приказчикомъ въ кооперативную лавку, то дѣлъ еще прибавилось, и за послѣднее время даже на охоту ходить было некогда. Только и урвется въ лѣсъ, чтобы отдохнуть душою, въ дни большихъ праздниковъ

когда торговля прекращалась. А охоту и онъ любилъ очень, особенно «ночевку» въ лѣсу, у пылающаго костра.

Съ такими то товарищами, послѣ пятилѣтней разлуки, я и отправился на охоту вверхъ по Кубинѣ въ одинъ августовскій день 1911. г.

Погода стояла чудесная.

Не буду описывать вамъ того радостнаго чувства, съ какимъ мы весь первый день буквально бѣгали по лѣсамъ и болотамъ за поянскомъ дичи, но нашъ «сѣрко» только могъ найти и «подлзать» пару тетеревей, которыхъ и пристукнули. Больше не пошелъ, должно быть устарѣлъ, бѣдняга! На обратномъ пути пристрѣлили еще рябчика и тѣмъ наша охота кончилась въ первый день.

Къ вечеру вышли на рѣку, къ «истопкѣ»*) усталые и довольные, гдѣ вскипятивъ чайникъ и на-скоро попивъ чайку, пошли рыбачить: мы съ Антономъ удить на крючекъ, а Тишана поѣхалъ въ лодкѣ съ «дорожками». Ловля рыбы оказалась болѣе удачною, нежели охота: мы изловили мелкой рыбешки до 50 штукъ, а Тишана выдороджалъ двухъ большихъ щукъ. Развели большой костеръ, повѣсили котелки: одинъ съ рыбой, другой съ картофелемъ и чайникъ для чаю и разсѣлись вокругъ огня, закуривъ папироски.

Ночь была чудная: тихая, теплая и темная до того, что зги не видать. Зарево отъ костра далеко и красиво отражалось въ водѣ. Невольно вспомнилось цыганское житѣ и ихъ пѣсны:

Мы живемъ среди полей

И лѣсовъ дремучихъ,

Но счастливыи, веселѣи

Всѣхъ вельможъ могучихъ...

Тишана, разлегшись комфортабельно, началъ повѣствовать свои

*) Истопка—лѣсная избушка для ночлега.

фантастическіе рассказы, о лѣшемъ и его продѣлкахъ, а Антонычъ ему не вѣрилъ.

— Нѣтъ, братъ, ты не говори этого, что его нѣтъ. Онъ есть и всегда былъ, только не всегда и не каждому показывается—это вѣрно,—говоритъ Тишани Антонычу.—Я самъ видѣлъ, чудакъ—человѣкъ!

— Ну, ври больше. Когда же ты видѣлъ?—спрашиваетъ тотъ.

— А чего мнѣ врать-то, ты не деньги, вѣдь, платишь за вранье? Говорю: видѣлъ, значить, видѣлъ, вотъ какъ тебя сейчасъ вижу.

— Каковъ же онъ собою-то?—спрашиваю я.

— Огромный, вровень съ лѣсомъ, а голова, какъ кочъ болотный или, скажемъ, пивной котелъ и вся всклокочена, какъ бы изъ моху или отрипей**) сдѣлана. Страшенный, когда разсердится: почнегъ какъ корчить лѣсъ, такъ только трескъ пойдетъ! А такъ—царень добрый, простой...

— Когда же ты видѣлъ его?

— Да вотъ, какъ дѣло-то было,—началъ Тишани. Самъ знаешь, што я не особенно-то долюбиваю эту кобыльню работу—косить сѣно, а тутъ лошади на сѣнокосѣ не привелось, собирается дождикъ, я и давай таскать. А баба кричитъ, што сначала поправь на сѣновалѣ крышу, смялась-де, а то все равно сѣно замочить. Я валѣвъ на крышу, а она въ самомъ дѣлѣ прогнивши, я—бухъ оттуда на земь! Упалъ, да сдуру-то я крикнулъ: «штобъ лѣшій тебя унес!» Вдругъ въ лѣсу такой поднялся шумъ, такой шумъ и трескъ, што Боже ты мой! Я какъ взгляну туда, а онъ экой-еть страшный и стоитъ вровень съ лѣсомъ, хлопаетъ ладошкой о дерево и хочочетъ. У меня мурашки по кожѣ пробѣжали, хочу крикнуть бабу и не мо-

гу. Онъ какъ рассыплется въ мелкую пыль и щепу, вихремъ какъ полетитъ на сѣновалъ, я такъ нечерединкомъ***) и свалился, еле успѣлъ схватиться за кустъ. Потомъ гляжу; мой сѣновалъ весь по бревешку раскатило и въ воздухъ кружить, а крышу такъ всю изломало въ щепы и за рѣку уперло и тамъ извлипало въ землю.

— Вотъ какія страсти-то были, а ты говоришь: нѣтъ его. Нѣтъ, братъ, этого къ ночи не говори, не ровень часъ—услышитъ, тогда онъ тебѣ задастъ перцу!

— Такъ это-же вихрь и былъ. Причемъ тутъ лѣшій?

— А вихоръ разѣ хочочетъ? Разѣ ладошамъ шовкаеть по лѣсу? Эхъ, ты, ученый!—злитъ Тишани, обращаясь къ Антонычу.

— Будетъ вамъ спорить-то,—говорю имъ.—Расскажи, Тишани, еще что-нибудь.

— Да вотъ, Алексѣичъ, знаешь, небойсь, купца Оболдуева? Онъ все смѣялся надъ мужиками, што вѣрять въ разную «нечисть», потомъ, дошло, што самъ въ ноги кланялся лѣшему.

— Какъ такъ?—спрашиваю.

— Была у Оболдуева лѣсная дача огромная и лѣсъ былъ кандовой, съ топоромъ въ дачѣ не бывали може не одну сотню лѣтъ. Купилъ онъ ее и давай рубить съ краю, а тутъ было лѣшево логово и называлось оно «лихой оврагъ». Мужики говорятъ ему, што этого мѣста не руби, не ладно будетъ, такъ и такъ, все рассказали. Купецъ былъ жадный, только смѣется «Мы, говоритъ, его сосной придавимъ, пусть-ко убирается по добру, по здорому. Я-де за дачу-то деньги платилъ, а онъ мнѣ за квартиру не платитъ»...

Ладно-хорошо. Осень была сухая

***) Нечерединкомъ—необычно, неудобно, безпорядочно.

**) Отряпъ—отбросы льва, пазла.

и удобная для работы. Народу на-
шло къ купцу «гибель» и—завве-
нѣлъ торюрь, только стужъ стоить
въ дачѣ. Вырубили и «овражекъ»...
Вдругъ какъ закрутило, затрещало
по дачѣ-то, вихри не только съ
корнемъ выворачиваюгъ деревья, а
даже на 2, на 3 части ломаюгъ его.
Народъ бѣжать изъ дачи-то кто
куда, потому «живъ смерти боится».

А тутъ еще, какъ на зло, огонь
былъ разведенъ, кашу варили. Лѣ-
шій и давай его раздувать и такъ
равдулъ, што страсть и посмотриѣтъ.
Што и сдѣлалось—прямо адъ! Впе-
реди лѣсъ домигъ, а сзади огонь
подбираетъ, время было сухое и че-
резъ два дня отъ дачи остались
однѣ головешки...

Купецъ буди ошалѣлъ: это къ
народу прибѣжить и молится, што
бы потушили пожаръ, а што тутъ
сдѣлаешь? Мужикъ-то не о двѣ го-
ловы? То побѣжить къ логову и
тамъ, стоя на колѣняхъ, просить
лѣшаго простить его, дурака, за
бахвальныя слова Кто-то посовѣт-
овалъ съ иконой обойти огонь. Сбѣ-
галъ въ деревню и принесъ Неопали-
мую Купину, но было, видно, ужъ
поздно, и самъ-то чуть не сгорѣлъ,
да спасибо Оомкѣ, вытащилъ. Стоить
съ иконой, а огонь-то кругомъ его
обошелъ, онъ какъ бы ничего и не
видитъ, ничего не понимаетъ, обал-
дѣлъ.

— Вотъ, миляга, какія дѣла-то
бываютъ, а ты еще те вѣришь,—го-
ворить назидательно Тишаня, обра-
щаясь къ Антону.

— Однако лѣшій лѣшимъ, а уха
то поспѣла,—говорить Антонъ, сни-
мая котелокъ.

О, съ какимъ удовольствіемъ мы
поужинали! Послѣ такого «промпна-
ша» и—свѣжая уха, настояло свѣ-
жая, что часъ или два назадъ рыб-
ка плавала еще въ рѣкѣ, а теперь
уже въ котелкѣ. Хотя, надо сказать,
что и всякая пища на лонѣ приро-

ды, выражаясь высокимъ стилемъ,
гораздо вкуснѣе кажется, нежели
дома.

Попили затѣмъ чайку и, наносивъ
въ истопку свѣжаго, душистаго сѣ-
на, завалились спать Но сонъ да-
лекъ былъ отъ насъ, особенно мнѣ
и не думалось о немъ, а страстно
хотѣлось узнать о тѣхъ вѣрованіяхъ
и представленіяхъ о Лѣшемъ, ко-
торыя существуютъ до сихъ поръ
въ нашей сторонѣ. Я хотя и зналъ
кое-что въ молодости, но почти все
уже испарилось изъ памяти, поэто-
му я и прошу Тишаню продолжать
свой рассказъ о Лѣшемъ.

— Да што объ немъ рассказы-
вать-то? Лѣшій, такъ Лѣшій и есть,
говорить Тишаня.

— Ну, да какъ ты его предста-
вляешь: человекъ онъ или духъ?
Какъ онъ живетъ и что дѣлаетъ въ
лѣсу?

— А кто его знаетъ. Должно-духъ,
только образъ человѣческій принялъ,
Знаю, што огромный, такихъ лю-
дей нѣтъ, и силы непомѣрной. А
простой, сердяга. Кабы такой то,
да злой—тогда и въ лѣсѣ хоть не
ходи бы.

— А чѣмъ, говоришь, занимается?

— Мало ли у него занятій. Лап-
ти плететъ въ свободное время, ему
одной пары на день не хватаетъ
походки-ко по дремучему-то лѣсу, тутъ
узнаешь. Днемъ пасетъ свое стадо,
а ночью—караулитъ. Вѣдь стадо-то
у его не маленькое: сколько однихъ
медвѣдей, оленей, лосей, лисицъ,
куницъ, векошь, а потомъ рябчики,
тетерки,—мало ли живности! А то
же надо за всѣмъ присмотрѣтъ, што
бы другой Лѣшій не «стабрилъ»*

— Развѣ не одинъ Лѣшій-то?

— Эво! Знамо не одинъ. Гдѣ же
одному справиться со всею Россіей?
чай, на участки тоже подѣлено, вро-
дѣ какъ земскіе начальники.

*) Стабриль—украсть.

— Что же у нихъ сѣзды бываютъ, собранія? Спрашиваетъ, улыбаясь, Антонъ.

— Собранія, не собранія, а разъ въ году сходятся, въ народѣ-то такъ бають**) Ну, и картежничаютъ же тогда—страсть! Даже до драки доходятъ...

— Вотъ тебѣ фунтъ! Гдѣ же они карты-то берутъ? Не унимаются Антонъ.

— Они не въ карты, собственно, играютъ, а въ косточы: отъ медвѣдей, оленей, лисиць, векошь и т. п. Даже и людскія идутъ въ ходъ, это отъ дѣтей, заблудившихся и погибшихъ въ лѣсу. Кости у нихъ взаи́мъ денегъ, будто: большія ви́сто бумажекъ, а маленькія въ родѣ теперешнихъ марокъ, для сдачи.

Который Лѣшій проиграетъ весь принесенный съ собою кошель съ костями, ставитъ тогда на конъ или партію векошь со своей округи, или рябчиковъ, у кого чего есть, а другой лисиць, и вотъ тутъ-то у нихъ часто и доходитъ до драки: не могутъ оцѣнить правильно, какой звѣрь и чего стоитъ.

Вотъ поэтому-то и бываетъ, што въ одну осень много векошь, а зайцевъ иѣтъ. А это значить просто: рекошь нашъ Лѣшій выигралъ, а зайцевъ проигралъ.

Все-таки нашъ Лѣшій мастеръ играть и много онъ пользы приноситъ народу. Онъ все выиграетъ чтонибудь цѣнное: куница, лисиць, векошь, а изъ дичи—рябчиковъ или тетерокъ, а не зайцъ въ или тамъ утокъ, скажемъ, что въ ней: крикаетъ да крикаетъ—только м всего, а не мяса, не жиру.

Гдѣ на то: лисица или куница, вѣдь цѣна-то имъ 30—40 руб. за штуку.

А векошь иногда выиграетъ такую тьму-тьмущую, што даже въ

деревняхъ бѣгають по крышамъ домовъ. На што у меня сѣрко, и глухъ, и слѣхъ, а и тотъ въ прошлую осень по 20 шт. находилъ въ день, а цѣна-то была векштъ полтина! Рублевъ по 8, по 9 оставалось чистоганомъ въ день. Гдѣ такую денгю заработишь?

Въ третьемъ году у насъ въ Поддологѣ, гдѣ Лѣшій-то живетъ, вдругъ появилось лесиць множество, и што же? Тишку Лукина знаешь? Вѣдь пяти поймалъ въ клещи, больше ста рублевъ мужикъ нажилъ. А кто ихъ пригналъ къ намъ? Вѣдь не съ облака же свалились?—Конечно, Лѣшій выигралъ гдѣ—нибудъ.

Антонъ нашъ заснулъ, а мы все еще продолжали нашъ разговоръ о Лѣшемъ, да и спать не хотѣлось.

— Ну, а Лѣшій же обжастъ, не мучить никого? Допытываются.

— Куда тамъ сбижать, лишь бы ево-то не обидѣли! Понятно, кто смѣется, какъ Ободуевъ купецъ, тутъ хоть кого, такъ зло возьметъ. Но рѣдко онъ влитися, а все больше шутить, да проказить.

— И озорникъ же онъ большой рука! воскликнулъ Тишаня.

Любимое удовольствіе его, это—пьянаго поводить по лѣсу; водить вокругъ да около какойнибудь сосны, а самъ хохочетъ, а тотъ ругается, матерится, а выйти на дорогу не можетъ. До тѣво доводитъ, што у тово весь хмель вылетитъ изъ головы, ну, тогда и выведетъ на дорогу.

И меня разъ также проводилъ всю ночь, должно быть потому, што наступилъ на его слѣдъ, а онъ этого не любитъ. Хожу вокругъ да около и знаю, што дорога должна быть тутъ, а попасть не могу. А когда ровѣтало, гляжу—дорога то въ трехъ саженьяхъ была. Вотъ вѣдь, оказія-то!

— Почему онъ не любитъ, чтобы

**) Вають—говорять

наступали на его слѣдъ?

— Кто его знаетъ. Должно быть далеко уходить отъ логовища, такъ скоро ли угадаетъ напрямки-то попасть въ него, вошь онъ своимъ слѣдомъ и выходитъ назадъ, какъ лисица, которая всегда возвращается въ нору своимъ слѣдомъ. А если стончугъ слѣды, какъ ихъ «сточить?»*)

— Ну а что же онъ не любитъ?

— А объ этомъ разскажу.

«Недолюбливаетъ онъ, продолжаетъ Тишаня, когда, примѣрно, лошадь или корова въ лѣсу, ночью, вмѣсто того, што-бы идти домой, или хоть тутъ спать, бродить по поскотинѣ всю ночь, только колоколь брещить: сама не спать и другимъ спать не даетъ. Вотъ онъ терпится, терпится, да какъ овистнетъ во всю лѣшачью мочь, да залпоаетъ въ ладоши, тутъ корова или лошадь прямо безъ ума летитъ отъ него куда попало, а онъ за ней и непремѣнно загонитъ въ самое болото, въ трясины.

Бьется, бьется, бѣдная тогда до седьмого поту, а вытѣвъ не можетъ, и пропала бы, да Лѣшій отхожъ сердцемъ-то, подь утро возьметъ за хвостъ да и вытащитъ.

— А еще чего не любитъ?

— Сильно не любитъ онъ, когда лѣсъ вырубають, особенно который хорошей, строевой и крупной. Жалѣетъ онъ его шибко. Ино потому, што въ немъ живетъ и ухоранивается, а въ мелкомъ не спрячешься, да и для звѣрей тоже надо «ухожей»*) Онъ, какъ заботливый ховяинъ, думаетъ и о нахъ. Поэтому онъ часто надъ порубщиками шутитъ злыя шутки, хоть это бы и не къ лицу ему.

— Какія же?

*) Сточать—разыщеть. свѣрять тотъ—вточь.

**) Ухожей—уютное мѣстечко, куда уходить, чтобы посторонние не видѣли.

— Да, вотъ, примѣрно, подрубаеть мужикъ дерево-сосну или ель—и прилаживаетъ такъ, что-бы оно упало впередъ, отъ себя; а онъ возьметъ да незамѣтно и stalkиваетъ назадъ, и придавитъ мужика или лошадь. А то бываетъ и такъ: заманется мужикъ топоромъ, што-бы тяпнуть по дереву, а онъ свади подтолкнетъ руку-то, смотришь—мужикъ вмѣсто дерева-то и тяпнетъ по своей ногѣ.

Когда какъ вздумается, такъ и отплатитъ порубщику. Бываетъ, што мужикъ опасаясь, штобы не убить деревяной лошади, оставитъ ее поодаль отъ себя. А онъ возьметъ да и наплетъ стада волковъ. Пока мужикъ рубить бревна, а тамъ ужъ его лошадку распотрошили волки.

— Не любитъ также онъ,—продолжаетъ Тишаня, когда какая-нибудь баба рассердится на своего ребенка и скажетъ: «унеси тебя Лѣшій» или: «што тебя и Лѣшій-то не возьметъ?» А потомъ, когда онъ возьметъ этого отсуленого уже ему ребенка, то начнетъ «причитать», собьетъ всю деревню и пойдутъ искать по лѣсу. Одно безпокойство дѣлають, и онъ сердится, а потомъ и откинетъ такого дитя: на кой-де чортъ и просиди взять?

Не любитъ онъ и того, когда какая-нибудь дѣвица «наварзаетъ» тамъ въ деревнѣ съ парнемъ, придетъ въ лѣсъ и давай реветъ и рвать на себѣ волосы. Лѣшему и жалко-то ее, да и досадно, што безпокойтъ, какъ будто онъ тутъ причемъ (а другая еще думаетъ, што «Лѣшій попуталъ» ее). Начинаетъ онъ всяко развлекать: и ягоды-то укажетъ и птачекъ то заставитъ пѣть, и зайчика то ко-солапаго пригонитъ къ ногамъ. Но дѣвица въ горѣ ничево не видитъ, ничево не слышитъ, и глядъ—на осинѣ виситъ ужъ!

Рассердится Лѣшій, выколотитъ объ опеньокъ табакъ изъ трубки и

уйдет прочь и не вернется туда, пока не уберут ее.

— А уж которая дѣвица или молодича веселая, да пѣсни поетъ въ лѣсу—душа его: тутъ и лапти бросить, закурить трубку да и слушаетъ. Любитъ пѣсни и любить веселыхъ бабъ. Однимъ словомъ—оворникъ!..

— Давай-ко и мы покуримъ съ тобой, Алексѣичъ, и я расскажу тебѣ исторію про нашу «Олишну» т. е. Ольгу Н, чай помнишь?—сказалъ Тишаня.

Покурили. Ташаня продолжалъ

— Вотъ эта Олишна въ одну весну вдругъ повадилась каждый вечеръ ходить въ Поддолгую и пропадала тамъ до полночи и дальше. Стали люди замѣчать, што это съ хромой сбѣлазосъ, куда она ходить и для чево? Домашніе иногда спросятъ ее: гдѣ была?

— А гдѣ была, говоритъ, тамъ нѣтъ, а гдѣ шла тамъ слѣдъ ищете!

Вотъ тутъ скоро отговорилъ, даромъ што убогая? Ладно хорошо. Только осенью бабы наши стали замѣчать, што брюшко-то у Олешки округлилось. Што, думали, за оказія. дѣвка изъ избы никуда не выходитъ кромѣ какъ въ лѣсъ, въ Поддолгую, а тамъ никто не живетъ и изъ деревни туда никто не ходитъ, а забрюхатѣла? Анъ диво-то просто оказалось—Лѣшаго полюбила! Сама совналась, когда прижали къ стѣнѣ: куда ребенка дѣвала?

— Что же она сказала?

— А Лѣшій, говорить, понуталъ, Лѣшій и взять! и больше слова не добились отъ нея и ребенокъ сгинулъ.

— Какъ же она могла любить и жить съ нимъ, такимъ огромнымъ? спрашиваю Тишаню.

— Ну, братъ, бабу этимъ не загугаешь!..

— Что же дальше было съ Олишной? Вѣдь она, какъ я слышалъ,

умерла?

— Дальше худо вышло. Она съ тѣхъ поръ забоялась ходить въ лѣсъ и днемъ, не только ночью; если и поидеть, то съ артелью, да и то три креста надѣнетъ на себя, штобы, значитъ, Лѣшій-то опять не схватилъ. А ночью, когда ложится спать, то всѣ двери и окна окрестить, штобы онъ не залѣзъ въ окно.

Такъ продолжалось съ годъ времени. А потомъ, потомъ.. Должно быть забыла кресты дома, ушла въ лѣсъ да и не вернулась живая. На утро нашли у самой деревни на берегу рѣки уже мертвой. Не иначе, Лѣшій задумилъ ее, да и отнесъ. Тоже и ему обидно было: съюбились, а цѣлый годъ не приходила.

— Какъ-же похоронили: вскрывали?

— Да, доктора потрошили*) и привзали, што умерла отъ угару? А гдѣ въ лѣсу угорѣть? Тоже знатоки!

— А съ другими бабами ничего, не балуетъ?

— Я думаю, когда безъ тово. Вотъ напр, весной бабы жгутъ новины подъ лень, а вѣтру нѣтъ, дрова сырыя, ве горятъ, онъ и проситъ его: «Лѣшій дуй! Лѣшій дуй!» кричатъ во все горло. А онъ тутъ, какъ тутъ, и такъ раздуетъ, што мигомъ новина сгоритъ.

— Ну, спасибо, лѣшачекъ!—скажетъ догадливая баба, онъ и перестанетъ.

А которая не скажетъ этого, такъ и полосу лѣса по близости сожгетъ.

Такъ всю весну около бабъ и треплется, оворникъ! Которая баба понравится ему, у той и лень уродится всѣхъ лучше и выше, потому—онъ не даетъ засыхать новинѣ, поливаетъ ее по ночамъ.

— И хитеръ, плутъ! Когда у любимцы дѣти пойдутъ. лѣтомъ за ягодами или грибами—полныя корзины ваберутъ, потому што онъ показываетъ имъ. Отъ людей видно научился: кто хочетъ приласкаться къ чужой бабѣ—подружись сначала

съ ея ребятишками, и дѣло выйдѣтъ въ плясъ! говорить, улыбаясь, Тишана.
— А, что своей-то бабы у Лѣшаго нѣтъ, что ли?

— Какъ нѣтъ, - есть!—отвѣчаетъ Тишана. Только она у него худая: сухая, долгоносая и горбатая старушонка. Мы ее все «сковородницей» навываемъ. Лѣтомъ ходитъ она все по полямъ съ раскаленной сковородкой. Ищетъ «проклявенныхъ», дѣтей, штобы поджарить. Ужъ очень любить, проклятая, дѣтское мяско!

Только Лѣшій ее ненавидитъ и на глаза не пускаетъ, а все каталажится съ вѣдьмами. Вѣдьмы же, известно, народъ хитрый и ничево ему, бѣдному, не попадаетъ, только «мажутъ по губамъ».

— Прилетитъ къ нему въ ступѣ экая чикъ-брикъ, и прилщится, говоритъ Тишана: подай ей тово, другово; примѣрно рябчиковъ на жаркое, лисицъ на тѣлгрѣйку, медвѣженка на полстѣ, послать, значить, въ ступѣ, штобы мягче садѣтъ, а ояъ нюни-то и распуститѣ. Всего ей подаетъ и хочетъ облапить, штобы поцѣловать, а она выскользнетъ, да въ ступу,—только проурчить, какъ поднимется выше лѣсу, и улетитъ къ самому дьяволу. Поминай, какъ ввалъ!

Ну, в разсердится же ояъ тогда, Только трескъ пойдетъ по лѣсу какъ начнетъ корчить пни да колодины, а зубами скрипитъ, какъ сухое дерево. Страшно тогда подходить близько къ тому мѣсту гдѣ ояъ. Я слыхалъ. Только, вѣдь, ояъ отхожъ больно сердцемъ-то! Пройдутъ сутки все и забыть, ояъ та же вѣдьма поддѣлается къ нему и получить все, што ей надо, а потомъ и наутекъ. И Сильные всегда незлобивы, въ зачленіе сказавъ мой пріятель.

Было уже утро и вашъ Антонъ проснулся, а мы, не спавши, пошли ояъ на охоту. На втомъ и кончимъ нашъ разговоръ.

Шустиковъ.